

СПЕЦНАЗ

Сергей
САМАРОВ

ПОВЕЛИТЕЛЬ БАТАЛИЙ

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Разработка серийного оформления *М. Левыкина*

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Повелитель батальей / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Спецназ ГРУ).

ISBN 978-5-699-78237-6

Грузинские и американские спецслужбы планируют применить против России новейшее бактериологическое оружие. Чтобы сорвать безумные планы военных авантюристов, на территорию закавказского государства забрасывается диверсионная группа ГРУ, состоящая из трех человек. Один из бойцов — совсем еще молодой, опыта диверсионной работы у него еще нет. Но у солдата есть снайперская винтовка, которой он виртуозно владеет, и планшетник, на котором установлена информационная система военного назначения «Оператор»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-78237-6

© Самаров С., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ПРОЛОГ

Командир взвода шагнул ко мне и спросил:

— Что сие значит, Волконогов? Земля холодная. Кишку простудишь. Чего разлегся?

— Не могу больше, товарищ старший лейтенант. Хоть стреляйте!.. Сил никаких нет.

Он усмехнулся и заявил:

— Когда мой знаменитый однофамилец режиссер Станиславский учил актеров правильно играть роль, он часто говорил одну фразу: «Не верю!». Вот и я тебе не верю. Ты себя жалеешь, и потому не можешь. Перестань плакаться, представь, что висишь на руках над пропастью. От того, сможешь ли ты заставить себя превозмочь усталость и подтянуться, зависит твоя жизнь. Подыхать не хочешь — сделаешь! Так же и здесь. Только ты от земли отжимаешься. Не жалея себя. Иначе не спасешься!

Чтобы не показаться умником, я не стал говорить, что знаменитый режиссер вовсе не однофамилец нашего командира взвода. Станиславский — это псевдоним, а настоящая фамилия у него Алексеев.

— Сколько раз осталось отжаться?

— До двухсот — три.

— А потом еще десять! Работай!..

Эти слова прозвучали предельно жестко. Не как уговоры, а как настоящий приказ. Количество отжиманий, назначенных старшим лейтенантом Станиславским, меня, признаться, чуть не убило. Но я живо представил себе, что повис на руках, уцепившись за шаткий камень, а под ногами, не имеющими опоры, — пропасть. Я видел собственное падение, чувствовал удары о камни, выступающие из отвесной стены. Мое разбитое переломанное тело билось о них, переворачивалось и падало в бездонную расщелину.

По телу пробежали мурашки. Не хочу так! В руках появилась сила. Я заставил себя отжаться один раз, потом второй и третий, в четвертый это получилось легче. При шестой попытке старший лейтенант наступил мне на спину и стал давить ногой.

— Продолжай! — приказал он.

Я вынужден был делать это. Думал, что сейчас умру, но работал, упирался. С каждым последующим отжиманием старший лейтенант Станиславский давил на мою спину все сильнее и сильнее. Мне показалось, что он вообще встал на меня, хотя вторую его ногу я видел периферийным зрением. Но я выполнил зада-

ние. Тяжелый башмак садиста нехотя, как мне показалось, убрался со спины.

— Двести десять! — сказал я с гордостью.

— Это можно признать успехом, хотя и с натяжкой, — заметил командир взвода.

— Почему с натяжкой, товарищ старший лейтенант?

— Потому что ты позволил себе отдых. Остальные отжались двести раз без перерыва. Тренируйся, буду проверять, — пообещал он.

В группе было восемь человек. После долгих испытаний Станиславский сам отбирал нас. При этом он основывался на каких-то своих соображениях и не говорил, для чего мы понадобились.

На естественный вопрос, который ему однажды задали, старший лейтенант ответил так:

— Могу только обещать, что не в отряд космонавтов.

Этим командир взвода показал, что вводить всех нас в курс дела он не намеревается. Старлей сообщил только, что из восьми останутся лишь два бойца, которые ему нужны. Он возьмет их с собой. Остальные вернутся туда, откуда пришли, то есть просто останутся во взводе.

С нами восьмерыми Станиславский работал сам, персонально и очень жестко. Занятия

во взводе тоже мягкостью не отличались, но сравнить их с нашими, индивидуальными, было очень сложно.

Из восьми человек четверо были солдатами-контрактниками. Они, конечно, имели преимущество перед остальными. Тренированы лучше, опыта больше. Из четверых оставшихся я один был из последнего призыва, молодой солдат, совсем необстрелянный, не нюхавший пороха. Трое срочников уже бывали в командировке на Северном Кавказе, вернулись оттуда четыре месяца назад. Они не рассказывали об этом.

Услышав мои конкретные вопросы, эти парни только криво усмехались и говорили:

— Ничего хорошего. Не курорт. Пули вместо бабочек летают.

Нам уже казалось, что мы — подготовленные спецназовцы. В мышцах играла сила, в душе — гордость. Хотелось посмотреть и ощутить, как летают пули, проверить и проявить себя. Опытные парни понимали такое. Они тоже через это прошли. Большинство в новую командировку не рвалось. Хотя были и такие, кому нравилось.

Наш командир отделения младший сержант контрактной службы Чубо попросился к нам сам, хотя внешне совсем не походил на воинственного человека. Спокойный, невозмутимый парень, два слова из него не вытащишь. На-

туральный уральский кержак¹, из которых он и происходил. Надежный, как многовековое дерево, крепко держащееся корнями за землю. В любом деле основательный и неторопливый, при этом непонятным образом успевающий все делать быстро.

Я не знал, что толкнуло Чубо попроситься в нашу группу и почему его примеру последовали еще два контрактника. Эти сухопарые и злые парни в выносливости могли потягаться со степным волком, которого, как известно, только ноги и кормят. Оба были воинственны и агрессивны от природы.

Старший лейтенант Станиславский не допускал проявления агрессивности во взводе. Поэтому они искали возможности выпустить пар. По этой причине, наверное, эти ребята и попросились в группу.

После полутора недель занятий командир взвода никого еще не отсеял и даже не говорил, какие качества солдата его устраивают больше всего и особенно пригодятся в предстоящей ко-

¹ Кержаки — потомки староверов, которые в 20-х годах XVIII века после разгрома скитов на реке Керженец, протекающей по территории современной Нижегородской области, десятками тысяч бежали на Урал и в Сибирь. Являются классическими носителями северорусской культуры. Со временем кержаками стали называть всех старообрядцев Урала и Сибири (*здесь и далее прим. авт.*).

мандировке. Мы продолжали подготовку, стараясь даже не себя показать, а приобрести те навыки, которых нам явно недоставало. По крайней мере, со мной было именно так.

Конечно, я сам видел и чувствовал, что заметно уступаю другим по уровню боевой и физической подготовки. Я мог потягаться с сослуживцами и даже выйти победителем разве что в рукопашном бою и в стрельбе.

Рукопашный бой давался мне легко хотя бы потому, что я занимался им раньше, до того еще, как увлекся биатлоном, который научил меня стрелять. Конечно, спортивная винтовка имеет отличия от автомата. Кто-то скажет, что даже весьма существенные. Но принцип подготовки стрелка остается одним и тем же. Поэтому мне пришлось не переучиваться, а только осваивать кое-какие детали.

Это касалось и рукопашного боя. Спортивное единоборство имеет значительные отличия от боевого. В первую очередь по конечной цели. Победить в спортивной схватке и уничтожить врага — это разные вещи. Естественно, в армии добавилось и обязательное использование в качестве оружия всего, что под руку попадет. Поэтому в рукопашке мне пришлось переучиваться, хотя первоначальные навыки все же сгодились.

Но занимался я с удовольствием. Я всегда

легко, без внутреннего сопротивления воспринимал все то, что было для меня новым. Это качество характера мне помогало часто, даже в спецназе. Особенно здесь, где приходилось переоценивать многие вещи, даже учиться иначе относиться к людям, забыть старые критерии.

У нас проводились динамические занятия по стрельбе. Это значит вот что. Тебе дается время для того, чтобы выбежать на исходный рубеж. Там следует залечь, дать максимум три очереди по двум поясным мишеням, а лучше обойтись всего парой.

Потом надо перекатиться на следующий рубеж, оттуда тоже дать три очереди по двум мишеням. Следом ты должен перебежать дальше, проехать брюхом по длинному столу, перевернуться, после кувырка дать две очереди по двум новым мишеням, забросить автомат за плечи, преодолеть деревянный барьер и взобраться на кирпичный забор.

Очередную мишень следует обстрелять прямо с забора, забросить оттуда в далекий окоп одну учебную гранату и спуститься. Снизу солдат должен послать вторую гранату в тот же окоп, который уже почти не виден, проползти под колючей проволокой, не порвав задницу в кровь, в самом конце перевернуться и лежа об-

стрелять две мишени у той кирпичной стены, которую он недавно преодолел.

Через двадцать метров нужно спрыгнуть в полнопрофильный окоп, перебежать по подземному коридору в соседний, выложенный кирпичом, оттуда выбраться, не прибегая к помощи рук, работая только ногами и лопатками. Лишь после этого следует скоростной рывок до финиша, где старший лейтенант Станиславский морщится перед секундомером, показывая всем своим видом, что бегать ты не умеешь, даже если удачно стрелял и послал в цель обе гранаты. Впрочем, моим бегом, как и стрельбой, он оказался вполне доволен.

— Если ты еще и отжиматься научишься, может, из тебя когда-нибудь и получится хороший солдат, — сказал мне командир, когда я развел в стороны руки и согнулся в поясе, восстанавливая дыхание.

— Стараюсь, товарищ старший лейтенант, — ответил я.

В это время командиру взвода кто-то позвонил на мобильник.

Он вытащил телефон, посмотрел на высветившийся номер и сразу ответил:

— Старший лейтенант Станиславский. Слушаю вас, товарищ подполковник. Так точно. Провожу занятие с кандидатами. Сегодня у нас динамическая стрельба. Конечно, товарищ под-

полковник. Вот он, только что дистанцию закончил. Рядом со мной стоит. Понял. Посылаю.

Разговор, как я подумал, шел обо мне. Наверное, старлей беседовал с комбатом. Это был единственный подполковник, с которым мне приходилось общаться за время службы в бригаде. Но я ошибся.

— Волконогов! — Командир взвода строго посмотрел на меня. — Тебя персонально вызывает начальник штаба бригады. Где он находится, знаешь? Не батальона, а бригады!..

— Так точно, товарищ старший лейтенант.

Штаб батальона располагался этажом выше нашей ротной казармы, и спутать я не мог. Штаб бригады находился около ворот, в трехэтажном здании.

— Не заставляй товарища подполковника ждать. Требуется срочно. Где кабинет, знаешь?

— Никак нет. Не был в том штабе ни разу. Не вызывали.

— Третий этаж, налево по коридору, первый кабинет с левой же стороны. Дежурному внизу скажешь, что начальник штаба вызвал. Он должен быть в курсе. Дуй!..

Я дунул, не снимая бронежилета, не забрасывая ремень автомата на плечо. Из-за этого всем встречным-поперечным казалось, наверное, что я бегу в атаку. По крайней мере, именно это я прочитал в глазах солдат взвода,

который маршировал мне навстречу. Но на чужие взгляды я внимания не обратил и даже скорости не снизил. Никто не спросил меня, кого я намерен атаковать. В подразделениях ГРУ не принято задавать вопросы, не касающиеся тебя самого.

— Волконогов? — сразу, не дожидаясь, когда я переведу дыхание, спросил капитан, дежурный по штабу, и не стал ждать моего ответа. — Третий этаж, налево, первая дверь с левой же стороны. Дуй!.. Подполковник Верходанов ждет.

Я дунул по лестнице, перескакивая через три ступеньки, и притормозил только между вторым и третьим этажами, чтобы отдать честь двум полковникам, спускающимся навстречу мне. Они ответили тем же, но козыряли небрежно, будто отмахивались.

Дверь кабинета начальника штаба была металлическая. Я постучал, как мне показалось, не сильно, но звук получился такой, что мог бы разбудить роту, спящую после тяжелых учений. Ответа я не слышал, тем не менее приоткрыл дверь. За ней был тамбур. Я уже тише постучал во вторую створку и тогда только услышал приглашение.

Начальник штаба бригады выглядел кубом, сидящим за столом. Настолько он был широк в плечах и, кажется, невысок ростом. Я видел

его раньше на территории, но не знал, что это и есть новый начальник штаба нашей бригады.

Этого подполковника вроде бы перевели к нам из Москвы, где он рассчитывал на быстрый рост по службе. Ему предоставили такую возможность, посадили на полковничью должность, но только в бригаде, а не в столице. Впрочем, это были случайно подслушанные разговоры младших офицеров. Солдату трудно было судить, насколько они правдивы. Да это меня и не касалось.

Я начал доклад по уставной форме, но подполковник жестом остановил меня и распорядился:

— Садись, Волкогонов.

— Товарищ подполковник, моя фамилия Волконогов, а не Волкогонов.

— Да. Это у меня сослуживец был Волкогонов, потому и путаю. По привычке. Ты садись...

Я не стал говорить начальнику штаба, что путать — это плохая привычка. Просто не был уверен в том, что он поймет вариации русской лексики. Да и не в том звании я находился, чтобы поправлять аж начальника штаба бригады.

Я сел на краешек стула, не сильно расслабляясь и ногу на ногу не забрасывая. Я всегда был скромным. Особенно в армии, где это приветствуется.

Подполковник Верходанов взял в руки карандаш, перевернул его острием вверх и задумчиво